

БАЛАНС МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ В 2010-е ГОДЫ И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ¹

МКРТЧЯН Никита Владимирович, к.г.н., Mkrchan2002@rambler.ru, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; ведущий научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва, Россия.
<https://orcid.org/0000-0001-9603-0594>

В статье рассматривается динамика численности населения и баланс миграции трех основных частей российского Севера – Арктической зоны, иных территорий Крайнего Севера и местностей, приравненных к нему. Несмотря на сходство миграционных процессов, для каждой из зон в период 2012-2019 гг. выявлены свои особенности, выражающиеся, в частности, в разной интенсивности оттока населения и его структурных составляющих. Выявлены точки миграционного роста в каждой из зон, они связаны, в основном, с немногочисленными крупными городами и промышленными центрами. Рассмотрены проблемы и особенности прогнозирования миграции в территориях российского Севера.

Ключевые слова: Крайний Север; Арктическая зона; миграция; возрастные особенности миграции; муниципальные образования.

DOI: 10.47711/2076-318-2021-304-325.

Введение. Российский Север неоднороден, в литературе выделяют, например, «ближний» Север [1], понимая под ним территории старого освоения – от Новгородской и Ярославской до Карелии и Архангельской области; север Сибири и Дальнего Востока. С точки зрения экономико-географического районирования и особых условий хозяйствования и жизнедеятельности человека выделяются Крайний Север и приравненные к нему местности, в последние годы все больше внимания привлекает Арктическая зона (АЗ), выделяемая отдельно. Столь разные «Севера» нужда-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 167.1. «Государственное управление комплексным развитием Арктического макрорегиона России».

ются в отдельном изучении, определении их особенности как относительно остальной территории страны, так и между собой. Полагаем, что в разных частях Севера имеют место значительные отличия текущих и перспективных миграционных процессов, анализ которых предпринят в данной статье.

Работ, изучающих демографические и миграционные процессы на российском Севере и в Арктике на общезональном уровне, недостаточно. В качестве примера можно привести статьи Н.Ю. Замятиной и коллег [2-4], уже не самые новые работы отдельных зарубежных исследователей [5]. Но их число постепенно растет, все больше авторов обращают внимание на анализ миграционных процессов [6; 7]. При том, что немало уже работ вышли за рамки изучения отдельных регионов Севера или регионов, отнесенных к нему полностью (что было обусловлено ограничениями имеющейся статистики), работ, целиком охватывающих миграцию населения всех территорий Севера и Арктики, все их население, практически нет.

Известно, что российский Север и Арктическая зона испытывают устойчивый миграционный отток населения. Но весь ли Север терял население, были ли на его огромной территории миграционно привлекательные точки? Мы сосредотачиваем внимание, с одной стороны, на выявлении общих для всего российского Севера тенденций развития миграционных процессов в 2010-е годы, и на выявлении их особенностей в трех крупнейших зонах: Арктике, Крайнем Севере (исключая Арктику) и местностях, приравненных к Крайнему Северу. Они отличаются населенностью и заселенностью, суровостью природно-климатических условий, особенностями хозяйственной деятельности, что, несомненно, оказывает воздействие на миграцию. В статье рассматриваются не только общие характеристики миграционного баланса данных территорий, но и формирующие его миграционные потоки, а также важнейшая структурная составляющая – возрастные особенности миграции. В заключительной части уделено внимание особенностям прогнозирования миграции в отдельных территориях Севера.

Методика и данные. В данной статье рассматриваются территории Крайнего Севера и приравненных к нему местностей, перечень которых определен в соответствующих документах

Правительства СССР и России, а также территории Арктической зоны Российской Федерации, перечень которых определен соответствующим указом Президента РФ [8]. В аналитических целях мы выделяем три группы территорий: 1) Зоны Арктики, включающей 66 городских округов и муниципальных районов 9 регионов РФ; 2) Остальные территории, отнесенные к Крайнему Северу РФ (без учета территорий Арктической зоны) – 66 городских округов и муниципальных районов 11 регионов РФ; 3) Территории, приравненные к Крайнему Северу (без учета территорий Арктической зоны – гг. Архангельск, Новодвинск и Мезенского района), объединяющие 160 городских округов и муниципальных районов 17 регионов России. Муниципальные районы, отнесенные к Крайнему Северу и приравненным к нему местностям частично (отдельные сельские поселения), также анализируются в данной статье. В статье указанные выше территории рассматриваются как суммарно, сгруппированные в вышеназванные зоны, так и, при необходимости, отдельно, с возможностью выделения каждого из 292 муниципальных районов или городских округов, т.е. миграция анализируется в разном масштабе.

Источником статистической информации для анализа послужили итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. (ВПН-1989), Всероссийских переписей 2002 и 2010 г. (ВПН-2002 и ВПН-2010), данные бюллетеня «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года», а также База данных показателей муниципальных образований, размещенная на сайте Росстата (БД ПМО)². Данные почти по всем территориям доступны за период 2012-2019 гг., о численности населения – за период с 1989 по начало 2020 г. По нескольким территориям, отнесенным к т.н. ЗАТО (административно-территориальным образованиям закрытого типа) в статье рассматривается только динамика численности населения, т.к. данные по миграции и структурным характеристикам населения по ним не публикуются в открытых источниках.

В данной статье анализируются показатели миграционного прироста (убыли) населения. Т.к. данные о миграции по территориям ранга городских округов и муниципальных районов

² <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>

подвержены сильной ежегодной динамике в силу сравнительно небольшого числа событий, а также незначительных пробелов в данных за отдельные годы, мы используем среднегодовые показатели за периоды в несколько лет. Показатели миграции рассчитывались и анализировались за 2 периода – 2012-2015 гг. и 2016-2019 гг. Разделение на эти периоды было предпринято по причине того, что, начиная с 2016 г., в потоке прибывших мигрантов очень высока доля так называемых «возвратившихся после временного отсутствия», данная категория мигрантов появилась после изменения методики учета миграции в 2011 г., но в первые годы численность «возвратившихся» была невелика и не требовала к себе отдельного внимания. Мы считаем, что большая доля этих возвратных миграций фиктивны [9], особенно высока их доля – среди мигрантов в возрасте 20-24 лет, что, как будет показано ниже, существенно искажает возрастные характеристики миграции. Кроме того, расчет коэффициентов за достаточно продолжительный период (2012-2019 гг.) при существенных изменениях общей численности населения и численности населения отдельных возрастов менее корректен, чем расчет за более короткий период.

Динамика населения и его возрастной состав. Численность населения Крайнего Севера и приравненных к нему местностей, как и Арктической зоны, за последние три десятилетия непрерывно сокращалась (табл. 1). Темпы сокращения населения в целом за период были наиболее высокими в Арктической зоне, хотя в 1990-е годы территории Крайнего Севера без ее учета теряли население немного быстрее. Сравнительно лучше была динамика населения в местностях, приравненных к Крайнему Северу, а в 2010-е годы они почти перестали терять население. В целом за рассматриваемый период Арктическая зона потеряла 30,6% населения, остальные территории Крайнего Севера – 28,8%, местности, приравненные к Крайнему Северу – 16,5%.

По сравнению с 1990-ми годами потери населения Севера и Арктической зоны в 2000-е и 2010-е годы существенно снизились. На их величину прежде всего влияла миграционная убыль, а также изменения в естественном движении населения. Во второй половине 2000-х годов, а особенно – в 2010-е годы

население российского Севера испытывало естественный прирост [10]. Его обеспечивала как сравнительно высокая рождаемость у коренных народов Севера (при увеличении их доли в населении), а также – более молодая структура населения, в поддержании которой миграция продолжала играть в отдельных регионах весьма существенную роль.

Таблица 1

Изменение численности населения территорий
Арктической зоны, Крайнего Севера и приравненных
к нему местностей, 1989-2020 гг.

Территория	Численность населения, тыс. чел.				Изменение, 2020 / 1989
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2020 г.	
Крайний Север и приравненные к нему местности, всего динамика за период, в среднем за год, %	12656,9	10703,3	10072,8	9797,3	-2859,6
Арктическая зона динамика за период, в среднем за год, %	3496,3	2745,1	2524,6	2427,4	-1068,9
Крайний Север динамика за период, в среднем за год, %	5791,6	4492,2	4177,0	4061,5	-1730,1
Крайний Север без Арктики динамика за период, в среднем за год, %	2295,3	1747,1	1652,4	1634,1	-661,2
Местности, приравненные к Крайнему Северу* динамика за период, в среднем за год, %	6865,2	6211,1	5895,8	5735,8	-1129,5
		-0,7	-0,6	-0,3	-0,53

** Здесь и далее – без учета гг. Архангельск, Новодвинск и Мезенского района Архангельской области.*

Источник: данные Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей 2002 и 2010 г., Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. М.: Статбюллетень, 2021.

В 1990-е годы Север, в том числе Арктическая зона, испытывал отток населения вследствие его перенаселенности в предшествующие десятилетия, которая вскрылась с переходом на новые рыночные отношения [11; 12]. Регион покидали прежде всего люди, переехавшие на Север недавно, не успевшие на нем закрепиться, а также работники производств и иных сфер заня-

тости, которые испытали в 1990-е годы наиболее сильный кризисный спад. Определенную роль играла демилитаризация Севера, закрытие военных городков.

Несмотря на то, что численность населения Крайнего Севера, приравненных к нему местностей и Арктической зоны сокращалась, по отдельным муниципальным образованиям убыль была неодинаковой, а часть из них увеличили население. За период 1989-2020 гг. из 66-ти городских округов и муниципальных районов территорий, отнесенных к Арктической зоне, увеличили население 11, в их числе, прежде всего, территории Ямало-Ненецкого АО. Среди территорий Крайнего Севера (66) увеличивали население 12, почти все они относятся к Якутии. Из 160-ти городских округов и муниципальных районов местностей, приравненных к Крайнему Северу, население увеличивалось в 26, более половины из них принадлежат Ханты-Мансийскому АО.

В то же время, за 1989-2020 гг. сокращение населения более чем на 50% отмечено в 14-ти территориях в Арктической зоне (самая интенсивная убыль была в районах Чукотского АО), 26-ти территориях Крайнего Севера без учета АЗ (максимальная убыль – в районах Магаданской области), и в 20-ти территориях местностей, приравненных к Крайнему Северу (самая сильная – в Мамско-Чуйском районе Иркутской области).

Общие показатели динамики населения показывают, что зона Арктики практически не отличается от других территорий Крайнего Севера. И в Арктике, и в остальных территориях Крайнего Севера экстремальное сокращение населения наблюдалось в самых восточных территориях. Они осваивались существенно позже, чем территории Европейского Севера и Арктики, и, в отличие от, например, Ямало-Ненецкого АО, не испытали во второй половине прошлого века такого бурного промышленного развития.

Во всех трех рассматриваемых частях российского Севера численность населения росла примерно на 20% территорий. Но природа этого роста – разная. В Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах рост вызван промышленным развитием, продолжающимся освоением топливно-энергетических ресурсов. В Якутии [13] позитивная динамика населения опирается в большей мере на естественный прирост населения, при сравни-

тельно невысокой миграционной убыли, которая была представлена некоренным населением. Также имел место интенсивный приток населения в Якутск, который увеличил свое население почти на 50% за указанный период. Здесь рост был самым высоким в зоне Крайнего Севера (не включая Арктическую зону), прежде всего благодаря внутрорегиональной миграции.

Возрастной состав населения Севера и Арктической зоны отличается от населения всей России (табл. 2). Прежде всего, на Севере выше доля лиц в трудоспособном возрасте, а выше всего она – в Арктической зоне. Выше на Севере и доля детей, но наиболее высока она не в Арктике, а в территориях Крайнего Севера без учета нее.

Таблица 2

Население России и Крайнего Севера и приравненных к нему местностей по возрастным группам, 2012 и 2020 г., на начало года, %

	2012 г.			2020 г.		
	0-14 лет	15-59 лет	60 лет и старше	0-14 лет	15-59 лет	60 лет и старше
Крайний Север и приравненные к нему местности, всего	18,3	68,4	13,2	20,3	61,7	17,9
Арктическая зона	17,2	70,3	12,5	19,1	64,0	16,9
Крайний Север	18,2	69,7	12,1	19,9	63,4	16,6
Крайний Север без Арктики	19,6	68,8	11,6	21,1	62,7	16,3
Местности, приравненные к Крайнему Северу	18,4	67,6	14,0	20,6	60,6	18,8
Россия	15,5	65,8	18,6	17,7	60,0	22,4

Источники: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января. М.: Статбюллетень, 2013 и 2021; БД ПМО.

При этом в Арктике в общем числе населения трудоспособного возраста выше всего доля населения 35-59 лет, тогда как в других территория Крайнего Севера и приравненных к нему местностях – в более молодых возрастах (рис. 1). Пожилого населения на Севере, напротив, меньше. Сказывается низкая продолжительность жизни во многих его территориях, сохраняющаяся высокая смертность от внешних причин [14], низкая до-

ступность сети учреждений здравоохранения. Но, как будет показано ниже, большую, если не решающую роль в пониженной доле населения старших возрастов играет миграция.

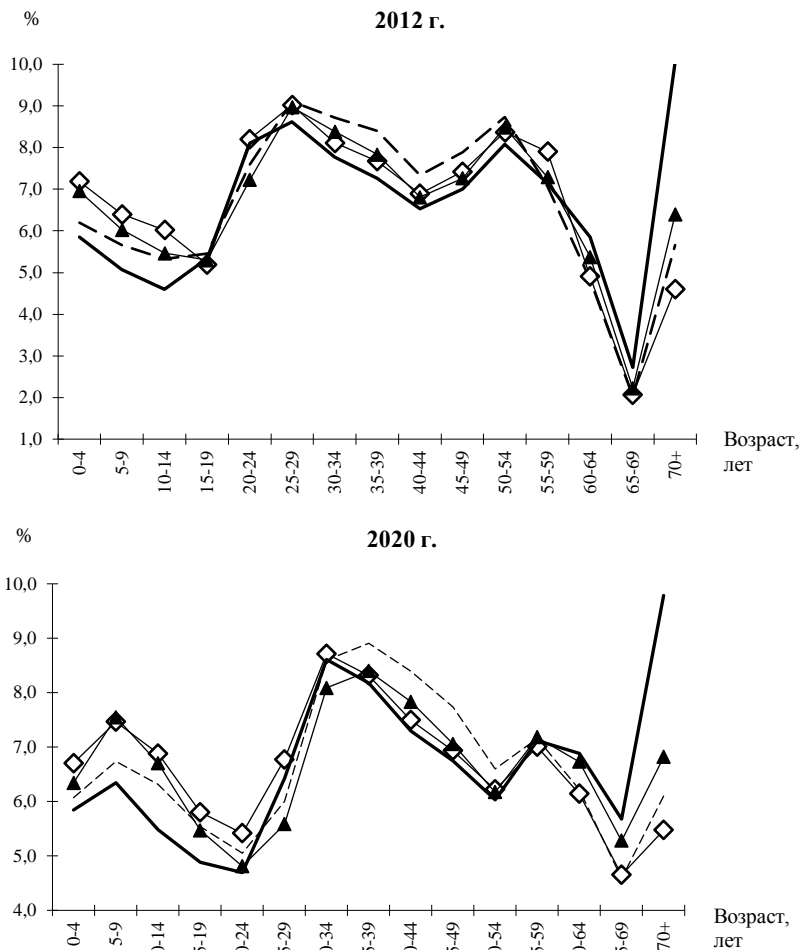

Рис. 1. Доля населения России и Крайнего Севера по возрастным группам, 2012 и 2020 г., в % ко всему населению:

--- Арктика; ◇ — КС без Арктики;
 ▲ — территории, приравненные к КС; — Россия

Источники: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января. Статбюллетень. М.: 2013 и 2021 гг.; БД ПМО.

Внутри выделяемых трех основных зон Севера распределение населения по возрасту крайне неоднородно, среди них есть территории как с очень старым, так и молодым населением. На начало 2020 г. среди регионов Арктической зоны доля лиц в возрасте 15-59 лет самой высокой была в ГО «Новая земля», но это очень специфическая территория, большую часть населения которой составляют воинские спецконтингенты, соответственно мужчины молодых возрастов. Далее следовал г. Норильск (71,6% населения), также сильно выше, чем в Арктике и в стране в целом доля трудоспособного населения была в Анадыре и многих территориях Ямало-Ненецкого АО. Доля детей была самой высокой в отдельных территориях Якутии, Чукотки и Ямало-Ненецкого АО, в которых преобладает коренное население, в том числе коренные малочисленные народы Севера. Напротив, наиболее высокая доля пожилого населения в Арктике сложилась в районах и городских округах Карелии, Мурманской и Архангельской областей, т.е. в наиболее староосвоенной его части.

Среди территорий Крайнего Севера за пределами Арктической зоны больше всего доля населения в трудоспособном возрасте – в отдельных территориях Сахалинской области, Камчатского края и Якутии. Детей больше всего в Монгун-Тайгинском кожууне Тывы и в районах Якутии, опять высокую роль играет этнический фактор. Территории с самым постаревшим населением – в Магаданской и Архангельской областях, Карелии и Камчатском крае.

Среди территорий, приравненных к Крайнему Северу, такое резкое, как на Крайнем Севере и в Арктике, преобладание лиц в трудоспособных возрастах не отмечается. Тем не менее, явно повышенной его долей выделяются территории Ханты-Мансийского АО. Доля детей 0-14 лет больше всего в Тыве, в отдельных районах (кожуунах) она превышает 40%, что для России является одним из самых высоких показателей, на Алтае и в Бурятии. Наиболее высока доля лиц в возрасте 60 лет и старше – вновь в регионах Европейского Севера.

Таким образом, несмотря на то, что население территорий Крайнего Севера и приравненных к нему местностей, а также Арктической зоны невелико, оно очень контрастно по структуре. В тех районах, где преобладает коренное население

(якуты, эвены, ненцы и др.) сохраняется высокая рождаемость [15], что ведет к высокой доле детей в населении. В территориях с развитой экономикой, прежде всего связанной с добычей природных ресурсов, существенно выше доля лиц в трудоспособных возрастах. В то же время, в сравнительно староосвоенных территориях Европейского Севера, включая его Арктическую зону, возрастной состав населения почти не отличается от населения обычной российской глубинки.

Миграционный баланс населения в 2010-е годы и его структурные особенности. Как показывают предыдущие исследования [10], перераспределение населения между отдельными регионами, отнесенными к Крайнему Северу и приравненных к нему местностей, крайне невелико. В то же время, имеет место переток населения между Севером и территориями центра и юга Европейской части страны, а также переток на юг, в меридианальном направлении. Эта миграция играет очень большую роль как в изменении численности населения изучаемых регионов, так и его состава.

Сравнение коэффициентов миграционного прироста за два периода показывает, что отток населения из рассматриваемых территорий Севера во второй половине 2010-х годов снизился (табл. 3). Возможно, определенное снижение и имело место, но, как уже было сказано выше, на значение показателя может влиять появление категории так называемых «возвратившихся после временного отсутствия», доля которых в общем объеме внутрirosсийской миграции к этому времени достигла 20-25%. Так как «возвратившиеся» направляются строго в обратном направлении от господствующего направления перемещения населения, масштабы перераспределения населения между территориями притока и оттока, резко возросшие в первой половине 2010-х, ко второй половине вернулись к значениям, близким к 2000-м годам [16].

Тем не менее, отток населения из Арктической зоны в оба периода был выше, чем из территорий Крайнего Севера за ее пределами, и из местностей, приравненных к Крайнему Северу. Эту разницу обеспечивала межрегиональная миграция, т.е. перемещение населения в другие регионы.

Миграционный прирост (убыль) населения
Крайнего Севера в 2012-2019 гг., на 1000 чел.

	Вся миграция	В пределах России	Из нее:		Международная
			внутри-региональная	межрегиональная	
2012-2015 гг.					
Крайний Север и приравненные к нему местности, всего	-7,6	-9,3	-2,1	-7,2	1,8
Арктическая зона	-10,2	-12,1	-1,5	-10,6	1,9
Крайний Север	-9,3	-11,3	-1,0	-10,2	2,0
Крайний Север без Арктики	-8,1	-10,2	-0,4	-9,7	2,0
Местности, приравненные к Крайнему Северу	-6,4	-8,0	-2,8	-5,2	1,7
2016-2019 гг.					
Крайний Север и приравненные к нему местности, всего	-4,6	-6,0	-1,4	-4,6	1,5
Арктическая зона	-5,8	-7,2	-1,0	-6,2	1,5
Крайний Север	-5,4	-6,8	-0,7	-6,1	1,5
Крайний Север без Арктики	-4,8	-6,2	-0,4	-5,8	1,5
Местности, приравненные к Крайнему Северу	-4,0	-5,4	-1,9	-3,5	1,5

Источник: БД ПМО.

Миграция в пределах регионов (в случае Арктической зоны это, например, переезд из Норильска в Красноярск) играла не очень значимую роль. Напротив, для местностей, приравненных к Крайнему Северу, роль внутрирегиональной миграции была достаточно существенной, хотя и здесь преобладал отток в другие регионы. Отметим, что международная миграция во всех выделяемых территориях имела положительный знак и позволяла в небольшой мере компенсировать отток населения.

В Арктической зоне наиболее интенсивную миграционную убыль имели в 2012-2015 гг. районы Якутии, а в 2016-2019 гг. – Архангельской области и Ямало-Ненецкого АО. Неизменно высокий миграционный отток испытывала Воркута, теперь уже бывший (один из немногих) крупный город за Полярным кругом. В районах Крайнего Севера за пределами Арктики лидиро-

вали по миграционной убыли в оба периода районы Магаданской области, среди городов – Инта – шахтерский город на Севере республики Коми. Среди местностей, приравненных к Крайнему Северу, наиболее отточными были районы Иркутской области и Республики Бурятия, а среди городов – один из самых малых городов России Кедровый в Томской области и Бодайбо Иркутской области. Территории наиболее интенсивного миграционного оттока теряли население прежде всего в результате внутрирегиональной миграции, лишь немногие, например, Воркута – в результате миграции в другие регионы страны.

Наиболее сильный отток населения с отдельных территорий внутри выделяемых зон Севера формируется за счет разных потоков миграции, и может не приводить к сокращению населения Севера, а перераспределяться в его пределах. Поэтому то, что является бедствием для одних территорий (интенсивный миграционный отток) может оказаться благом для их соседей по региону.

На Севере есть территории, районы и города, испытывающие миграционный прирост населения, или чей баланс миграции находится на околонулевом уровне, что для этой в целом отточной части страны уже является весьма неплохим показателем. В Арктике это – немногочисленные крупные города, такие как Архангельск и Новый Уренгой, а также не крупные столицы регионов – Салехард и Нарьян-Мар. Устойчивый миграционный прирост имел г. Губкинский в Ямало-Ненецком АО. На Крайнем Севере вне арктической зоны самый устойчивый и высокий даже по меркам в целом крупных городов миграционный прирост в 2010-е годы имел г. Якутск. Прирост столицы Якутии складывается за счет внутрирегиональной миграции, благо республика еще не исчерпала резервы урбанистического развития, а ее столица – единственный крупный центр на всю ее огромную территорию. Приток так велик, что его хватает на пригород Якутска – г. Жатай. Региональные центры везде [17], и на Севере – в частности [7], чаще всего испытывают миграционный прирост.

В приравненных к Крайнему Северу территориях миграционный прирост имели, прежде всего, крупные города Ханты-Мансийского округа и быстро растущая его столица. Устойчивый прирост имели Петропавловск и Южно-Сахалинск, но у столицы Республики Коми –

Сыктывкара миграционный баланс был уже около нулевых значений. Поток из северных городов Коми, уже упомянутых Воркуты и Инты, а также Ухты, минует столицу региона и направляется в регионы Центра и Юга Европейской России.

Вместе с тем, из крупных городов Крайнего Севера и Арктики устойчивая миграционная убыль характерна для Мурманска, Норильска, Ноябрьска, Северодвинска, Магадана, Петропавловска-Камчатского, для более южных «приравненных местностей» – для Ухты, Братска, Нефтеюганска, Комсомольска-на-Амуре и Кызыла. Отток из них идет в другие регионы страны, внутрирегиональная миграция не может его компенсировать. В случае Кызыла это не вполне понятно: республика имеет значительные резервы роста городского населения, и особенности этнического состава ее жителей предопределяют, как в случае Якутии или Бурятии [18], прежде всего переезд в региональную столицу. Но пока статистически это не находит подтверждения. Возможно, виной тому – крайне низкий уровень жизни в республике, отсутствие у основной массы населения возможностей к переезду вследствие т.н. «ловушек бедности» [19]. Они характерны не только для Тывы, но здесь, возможно, их действие проявляется наиболее выражено.

Возрастные особенности миграции. Миграционный отток населения Севера различается не только в зависимости от его зональных особенностей, но и имеет четко выраженную возрастную составляющую. Он характеризуется двумя выраженными пиками (рис. 2). Первый связан с возрастом окончания школы и получения профессионального образования, это пик наивысшей миграционной активности. Данный пик не уникален, в большей или меньшей мере убыль в данном возрасте характерна для всех территорий вне крупных городов. Отъезд связан либо с невозможностью получения профессионального образования по месту проживания – в случае, если молодой человек оканчивает школу в селе, поселке или малом городе, а также с узким выбором получения образования и квалификации в случае проживания в городах большего размера. Поэтому выезд идет и из таких городов, как Нижневартовск, Норильск (подробнее об учебной и молодежной миграции из северных городов см.: [4; 21], Северодвинск, Братск, Комсомольск-на-Амуре.

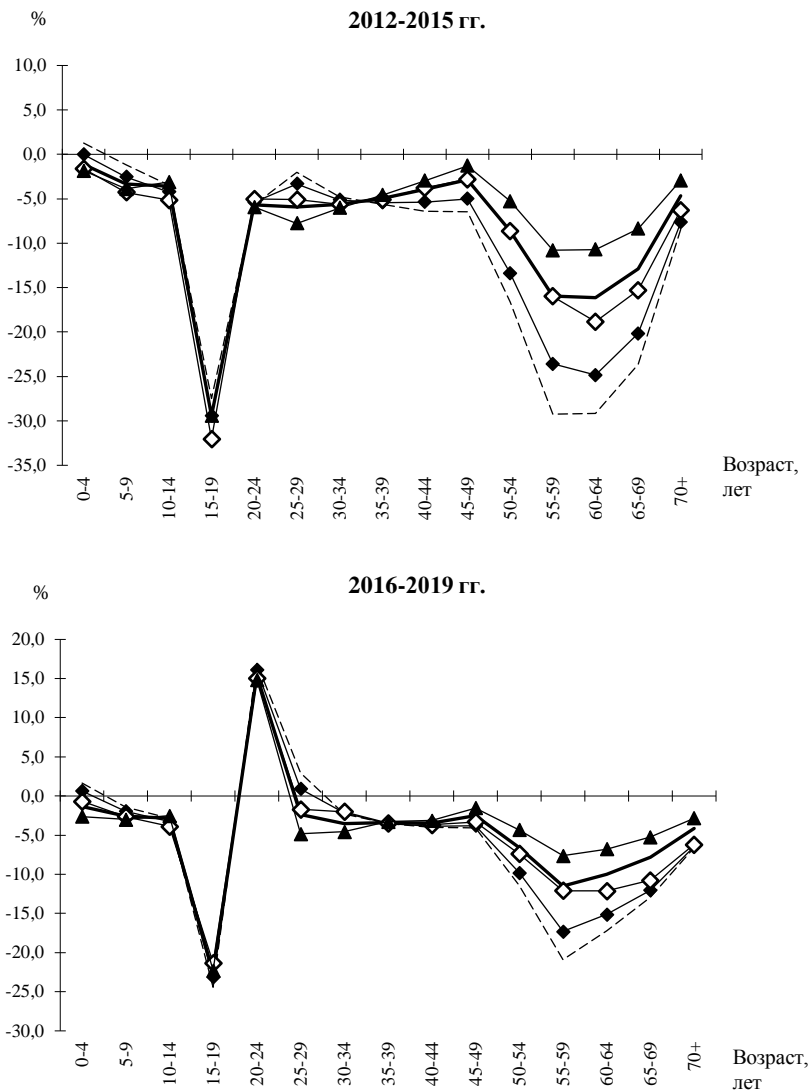

Рис. 2. Миграционный прирост (убыль) населения Крайнего Севера в 2012-2019 гг., на 1000 населения соответствующего возраста:
 — КС и приравненные к нему местности, всего; - - - - Арктическая зона;
 -◆- Крайний Север; -◇- КС без Арктики; -▲- местности, приравненные к КС

Источник: БД ПМО.

В отличие от многих северных поселков, молодежь этих городов имеет больше возможностей подготовиться к поступлению в лучшие вузы страны, а их семьи – чаще имеют средства поддерживать студентов во время их проживания в других регионах, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге. С другой стороны, на Севере есть такие города, как Якутск, Архангельск, способные привлечь молодежь из своего региона, в таких городах имеет место приток молодежи на учебу. В целом отток молодежи студенческих возрастов одинаков для Арктики и иных территорий российского Севера и составляет 20-30 чел. на 1000 населения соответствующей возрастной группы, что означает, что Север теряет 100-150 выпускников школ на 1000 населения.

В 2016-2019 гг. обозначился пик притока во все регионы Севера – в возрасте 20-24 лет. Как уже говорилось выше, этот пик связан с окончанием временной регистрации у молодых мигрантов и их автоматическим «возвращением» к месту постоянного проживания. Реальное возвращение происходит далеко не всегда, поэтому мы считаем его псевдо-пиком. Это – не специфика северных территорий, такие «пики» во второй половине 2010-х проявляются во всех регионах России.

Второй реальный пик оттока связан с возрастом 50 лет и старше, наиболее велик он в возрастах 55-59 лет. Выезд связан с более ранним выходом на пенсию в территориях Крайнего Севера, и с желанием многих покинувших рынок труда переехать в более благоприятные в природно-климатическом отношении регионы страны. Это может быть дальний переезд в регионы юга Европейской части или сравнительно близкий, в региональную столицу – Тюмень, Красноярск, Хабаровск и т.п. Как видно на рис. 2, наиболее интенсивный отток идет из территорий Арктической зоны, менее сильный – из территорий с более мягким климатом (приравненных к Крайнему Северу), староосвоенных и более пригодных для проживания, таких, как Карелия, Архангельская область. В результате если весь Север теряет 20-30% пенсионеров, то Арктические территории, такие, как Ямало-Ненецкий АО, Норильск – около половины, а «приравненные местности» – 15-20%. Отток пенсионеров негативно сказывается на динамике населения, но сильно тормозит процесс старения населения, снижает затраты бюджетов на многие социальные услуги.

Отдельные города Севера и Арктики имеют отличный от описанного выше баланс миграции по возрасту (рис. 3).

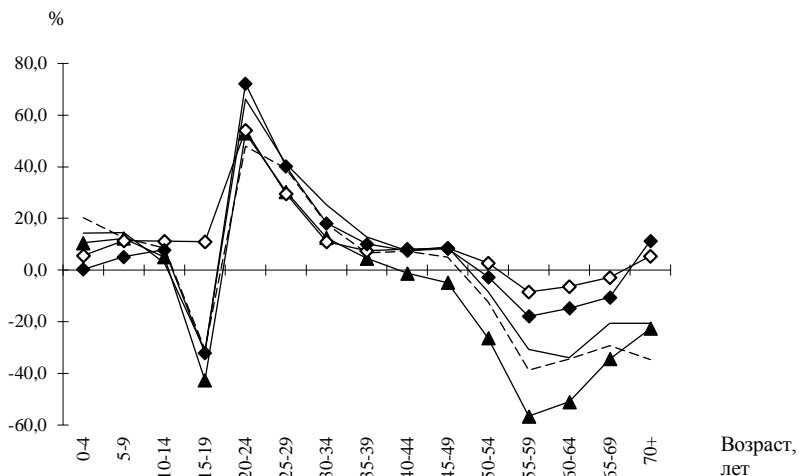

Рис. 3. Миграционный прирост (убыль) населения отдельных городов Севера в 2016-2019 гг., на 1000 населения соответствующего возраста:

— Губинский; --- Новый Уренгой; -▲- Норильск;
-◇- Сургут; -◆- Когалым

Источник: БД ПМО.

Помимо уже упомянутых крупных городов с достаточно развитой системой профессионального образования, позволяющей не терять молодежь, это – города с развитой добывающей промышленностью. В отличие от многих других городов и районов Севера, их миграционный баланс более чем восполняет отток молодежи на учебу, они имеют приток населения в возрасте 25-39 лет, т.е. в возрасте наиболее высокой экономической, а также репродуктивной активности. При этом Сургут не теряет молодежь студенческих возрастов, а «возврат» ее после учебы, в возрасте 20-24 лет больше, чем выезд в возрастной группе 15-19 лет. Значит, можно предположить, что город привлекателен для только что окончивших образование выпускников вузов других городов и регионов.

Отток пожилого населения из Сургута невелик. Причина этому, по-видимому, его размер, превышающий многие не-крупные региональные столицы, и связанные с этим атрибуты

крупного города: достаточно диверсифицированная экономика, развитая городская среда и т.п. Норильск – тоже крупный город, но его расположение за полярным кругом, да еще и крайне неблагоприятная экологическая обстановка делает условия проживания в нем тяжелыми даже по меркам Севера. Это предопределяет экстремально высокий отток населения старших возрастов, и не такой сильный приток молодых трудоспособных.

Таким образом, все территории Севера объединяет не просто преобладающий отток населения, но и схожие особенности баланса миграции по возрасту. Исключения есть, но они редки и связаны, прежде всего, с наличием здесь крупных городов, в том числе региональных столиц, а также промышленным развитием. Но это – редкие точки для такой огромной территории. Чем экстремальнее природно-климатические условия (в Арктике они более суровы, чем, например, в таежной зоне Сибири и Дальнего Востока), тем выше отток людей старших возрастов.

Особенности и проблемы прогнозирования миграции в регионах Севера России и Арктической зоны. Выше рассмотрена динамика численности и миграционный баланс населения территорий, отнесенных к Крайнему Северу и приравненным к нему местностям, с отдельным выделением Арктической зоны. Делать подобные расчеты и анализировать данные непросто, учитывая, что для этого необходимы данные не на уровне регионов, а муниципальных образований, так как полностью к той или иной из рассматриваемых зон отнесены только 8 регионов России, а частично – 15. Четыре региона (республики Коми и Карелия, Архангельская область и Красноярский край) включают территории, отнесенные к каждой из трех рассматриваемых зон.

В отличие от прогнозирования иных демографических процессов, прогнозирование миграции может в очень малой мере опираться на наблюдаемые ранее тренды развития ситуации. Например, параметры рождаемости меняются эволюционно, влиять на них сложно, и многие управляющие воздействия не ведут к долговременным изменениям, чаще – к тайминговым сдвигам [22; 23]. Изменения в параметрах смертности также во многом эволюционны, но чаще могут быть спровоцированы кризисами, последний из которых явила пандемия COVID-19. Параметры рождаемости и

смертности сильно зависят от возрастной структуры населения, комбинации в ней многочисленных и малочисленных поколений.

Миграция же – процесс, способный более чутко влиять на социально-экономические изменения. Тренды предыдущих лет способны резко меняться, интенсивный приток населения в отдельные регионы может в считанные 1-2 года смениться интенсивным оттоком, как это имело место на Севере на рубеже 1980-1990-х годов. Напротив, устойчивый отток населения может вести к исчерпанию миграционного потенциала, как это произошло, например, на Чукотке и в Магаданской области – к 2010-м годам население здесь сократилось настолько, что отток такой силы, как был в 1990-е годы, попросту невозможен, так как некому уезжать. Напротив, приток населения в молодые города и поселки Севера, его ресурсодобывающих регионов может быстро исчерпать себя так как излишний прирост населения экономически нецелесообразен, кроме того, ресурсы могут быстро исчерпаться и поселение утратит экономическую базу. Создавать же новые постоянные крупные поселения здесь, с одной стороны, не имеет экономического смысла, так как создание и поддержание капитальной инфраструктуры в разы дороже, чем в средней полосе или на юге.

К этому стоит добавить этнокультурные особенности региона. Север – естественная среда проживания для коренных народов, как малочисленных, так и таких, как якуты. Они не стремятся его покидать, но могут перемещаться по достаточно большой территории, оседая в многочисленных крупных городах.

Перспективы развития миграционных процессов на Севере и в Арктической зоне связаны с сохранением здесь сети опорных населенных пунктов, транспортной и социальной инфраструктуры, дальнейшей эксплуатации природно-ресурсного потенциала региона, развития туризма и рекреации, при сохранении естественной среды проживания коренных народов.

Полагаем, что отток населения из районов Севера и Арктики продолжится, но в меньших масштабах, чем это было в предыдущие десятилетия. Многие территории, прежде всего, в Арктической зоне, практически полностью исчерпали возможности интенсивного миграционного оттока. Он будет продолжаться в виде выезда молодежи на учебу, как это происходит повсе-

местно за пределами крупных и крупнейших городов и их ближайших пригородов. В России до сих пор сохраняется и будет сохраняться в обозримой кратко- и среднесрочной перспективе центростремительный характер миграции, выражающийся в концентрации населения в нескольких крупнейших городских агломерациях. Север и Арктика по отношению к таким центрам притяжения населения – крайняя периферия. Удаленность от крупнейших центров предопределяет устойчивый отток, но и создает возможности для развития локальных центров притяжения, так как до ближайших межрегиональных центров очень далеко. Такими уже становятся Якутск, а также Сургут и Нефтеюганск, суммарное население которых превосходит полмиллиона человек и продолжает расти. Перспективы иных городов не так радужны: Норильск, Воркута и близкие к ней угольные центры будут продолжать терять население. Архангельск, Мурманск, Магадан, Петропавловск-Камчатский могут переломить и уже преодолевают негативные процессы оттока населения, но в этом им нужно помочь мерами разумной социально-экономической политики. Может произойти определенное возрождение опорных пунктов Северного Морского пути, но не путем создания здесь новых городов, а вахтовых поселков, население которых проходит постоянную ротацию.

Север и Арктика, несмотря на малочисленность проживающего здесь населения, пространственно неоднороден. Отдельные прогностические гипотезы и сценарии требуют территории старого (Европейский Север) и пионерного освоения (Север Сибири и Дальнего Востока), немногочисленные крупные и средние города и районы с малыми городскими поселениями сельской местностью. На Севере явно выражена широтная зональность, предопределяющая степень комфортности/дискомфортности проживания, что сильно влияет на параметры миграционного баланса населения. Для многих территорий и поселений крайне важно приморское расположение и положение относительно крупных транспортных артерий и коридоров. Территориям с самими суровыми и экстремальными природно-климатическими условиями, прежде всего в азиатском секторе Арктики, важно не столько поддержание численности жителей (речь не о коренном населении), сколько обеспечение их постоянной ротации.

Список литературы

1. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. Монография / Сост. и под ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. 200 с.
2. Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2020. № 4. с. 69-82.
3. Zamyatina N., Goncharov R. *Population Mobility and the Contrasts between Cities in the Russian Arctic and their Southern Russian Counterparts* // *Area Development and Policy*. 2018. № 3(3). Pp. 293-308.
4. Замятина Н.Ю. Расслоение пространства. Миграция с севера как индикатор статусных различий городов России // *Отечественные записки*. 2014. № 3(60). С. 165-177.
5. Heleniak T. *Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s* // *Post-Soviet Geography and Economics*. 1999. № 3. С. 155-205 DOI: 10.1080/10889388.1999.10641111
6. Ефремов И.А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // *Регионология*. 2016. № 4(97). С. 140-159.
7. Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990-2010-е годы // *Региональные исследования*. 2017. № 2(56). С. 44-55.
8. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».
9. Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутривосточной миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // *Демографическое обозрение*. 2020. № 7(1). С. 83-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>.
10. Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 431-448. DOI: 10.47711/2076-318-2020-431-448*
11. Зайдфудим П.Х. Реабилитация жизненной среды Российского Севера. М.: Госкомсевер России, 1993.
12. Кол. авт. П.Х. Зайдфудим, О.П. Фролов, О.И. Бобков, А.А. Широков, Ю.В. Скопобогатов. Социальная реабилитация населения севера России. М.: ИВЦ «Маркетинг», 1994. 96 с.
13. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы, перспективы / Под общ. ред. Н.К. Харлампьевой. Архангельск: Северный (Арктический) ун-т им. М.В. Ломоносова, 2017. 325 с.
14. Сукнева С.А. Арктическая зона северо-востока России: проблемы демографического развития // *Региональная экономика: теория и практика*. 2013. № 25 (304). С. 13-16.
15. Богдавленский Д. Перепись 2010: этнический срез // *Демоскоп Weekly*. 2012. № 531-532. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/demoscope531.pdf> (дата обращения: 21.02.2021).
16. *Население России 2016. Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад* / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. с. 379-386.
17. Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центр-периферийных отношений // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2011. с. 416-430*.
18. Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990-2010-е годы // *Региональные исследования 2017 № 2(56)*. С. 44-55.

19. Бреславский А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // *Мир России*. 2016. № 25(1). С. 79-102.
20. Гуриев С.М. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 3-е издание, переработанное. М.: ООО "Юнайтед Пресс", 2010. С. 242-246.
21. Замятина Н.Ю. Символический капитал территории в контексте арктических миграций: взгляд из Норильска // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 4. С. 45-59.
22. Захаров С.В. Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Ч. 1 // *Демографическое обозрение*. 2016. № 3(3). С. 6-38. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1745>
23. Захаров С.В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Ч. 2 // *Демографическое обозрение*. 2017. № 3(4). С. 6-26. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203>

Для цитирования: Мкртчян Н.В. Баланс миграции населения российской Севера и Арктики в 2010-е годы и его структурные составляющие // *Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2021. С. 304-325.
DOI: 10.47711/2076-318-2021-304-325.

Summary

POPULATION MIGRATION BALANCE OF THE RUSSIAN NORTH AND THE ARCTIC IN THE 2010S AND ITS STRUCTURAL COMPONENTS

МКРТЧЯН Никита В., Cand. Sci. (Geogr.), Mkrchan2002@rambler.ru, Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting RAS; Leading Researcher, Institute for Social Analysis and Forecasting, RANEPА, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9603-0594>

Abstract: The article examines the dynamics of the population and the migration balance of the three main parts of the Russian North - the Arctic zone, other territories of the Far North and areas equated to it. Despite the similarity of migration processes, for each of the zones in the period 2012-2019 their own characteristics, which were expressed, in particular, in different intensity of the outflow of the population and its structural components were revealed. Points of migration growth were identified in each of the zones, connected mainly with a few large cities and industrial centers. The problems and features of forecasting migration in the territories of the Russian North were considered.

Keywords: Far North; Arctic zone; Migration; age specific of migration; municipality.

For citation: *Mkrchyan N.V.* Population Migration Balance of the Russian North and the Arctic in the 2010s and its Structural Components // Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2021. Pp. 304-325.
DOI: 10.47711/2076-318-2021-304-325.